

3. Козлов, В. П. Жизнь документа [Электронный ресурс] / В. П. Козлов. – Режим доступа: <http://rodnaia-istoriya.ru/index.php/vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/istochnikovedenie/jizn-dokumenta.html>. – Дата доступа 23.02.2019.
4. Крюков, В. В. Диалектика вещи и процесса: релятивистская модель реальности [Электронный ресурс] / В. В. Крюков // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4(10). – Т. 1. – С. 27–42. – Режим доступа: http://ideaidealy.nsuem.ru/wp-content/uploads/2013/01/V.V.Kryukov_410_2011_t_1.pdf/. – Дата доступа 25.02.2019.
5. Лукашевич, А. А. Феномен цифрового наследия как предпосылка переосмысления понятия «исторический источник» / А. А. Лукашевич // Клио. – СПб. – 2015. – № 10 (106). – С. 41–45.
6. Овчинников, Р. В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева (источниковедческое исследование) / Р. В. Овчинников. – М. : Наука, 1980. – 279 с.
7. Чеканцева, З. А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века [Электронный ресурс] / З. А. Чеканцева. – Режим доступа: https://www.academia.edu/37887922/Историчность_и_история_в_интеллектуальной_культуре_XXI_века. – Дата доступа 20.02.2019.

Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ ИЛИ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ?

Познание исторических процессов, выявление их закономерностей имеет свою специфику по сравнению с познанием природных явлений. Здесь не применимы средства и методы естественных наук (микроскоп, лазерные установки, химреактивы и т.д.). Нельзя говорить о возможности эксперимента, так как история не знает сослагательного наклонения; выявление общественных закономерностей затруднено тем, что в обществе повторяемость, как минимум, не лежит на поверхности: все события носят индивидуальный характер, а исторические личности посетили этот мир единожды и покинули его навсегда. Познание исторических процессов определяется в значительной мере ценностными ориентациями исследователя, его субъективными пристрастиями. Когда речь идет о явлениях природы, то люди любых политических и нравственных ориентаций заинтересованы в их адекватном познании и использовании в практической деятельности. Иное дело – исторические события: их оценки бывают прямо противоположными в зависимости от идеологических пристрастий авторов. Безусловно, история, как и многие другие науки, должна опираться на фактологический материал. В противном случае – это будет не наука, а историческая алхимия, собрание исторических фейков. Но так ли всемогущ исторический факт?

Ссылаясь на факты, можно соорудить различные теоретические конструкции на политическую потребу дня. В XIX веке исследователи истории отдавали предпочтение фактам, стояли на позитивистских позициях. Факт трактовался как убедительная основа объективности исторической науки. Задача ученого виделась в описании фактов, в ответе на вопрос: как все происходило, а не почему это происходило? Такой позитивистский подход вскоре показал свою ограниченность. Разве задача исследователя истории заключается только в том, чтобы описать, как происходили войны, революции и т.д. Ведь главная цель выяснить причины событий, их влияние на судьбы стран и целого мира. Но при ответе на вопрос «почему?» историк (или философ) всегда руководствовался определенной философской парадигмой, идеологическими предпочтениями. От этого никуда не уйдешь. Вне их исторической картины быть не может. Факт всегда социален и выступает единством объективного и субъективного. В конечном счете мы имеем дело не с голыми фактами, а фактами концептуализированными (М. Барг).

Поль Рикёр отмечал, что историю событий в современных условиях сменила история интерпретаций. Порой говорят, что историки более могущественны, чем Бог, ибо Господь не может изменить прошлого, а историки постоянно его меняют. Характер и содержание интерпретации – это объект исторической ответственности исследователя.

В интерпретации прошлого можно выделить философский и политико-идеологический аспекты. Первый из них достаточно основательно проработан в философской герменевтике, значительное место в которой занимает как раз метод понимания прошлого. При этом во взглядах представителей этого философского направления прослеживается значительная эволюция. Первое поколение герменевтики (Шлейермахер, Дильтей) в качестве главной проблемы выделяло вопрос понимания исторических текстов и постижения через них истории, подлинного

смысла имевших место событий. Интерпретация прошлого, отраженного в текстах, должна основываться на способности исследователя воспроизвести, пережить, понять первоначальный смысл текста. Основная проблема понимания заключается во временной дистанции, разделяющей интерпретатора и объект понимания. Чтобы ее решить, необходимы вживание исследователя в исторический контекст, идентификация его с текстом.

Герменевтический метод играет большую роль в познании, интерпретации прошлого. При интерпретации важно учитывать исторический контекст. Умение вжиться в чужую индивидуальность, язык изучаемой эпохи, посмотреть на прошлое глазами представителей ушедших поколений – важная задача интерпретации исторических событий, условие постижения истины. А.Я. Гуревич справедливо отмечает: «Другой, человек давнего или недавнего прошлого, – это загадка, которую мы едва ли в состоянии разгадать, но от попытки разгадать ее вместе с тем не можем и уклониться. Наиболее тяжкий грех, в который способен впасть историк, – и в который, к сожалению, очень часто впадает – состоит в том, что изображает человека иной эпохи подобным себе и своим современникам. “Другой” не означает “чужой”. Во многом он схож с нами, но прежде всего необходимо выявить различия. Презумпция “инаковости” – постулат исторического познания» [1, с. 77].

Если исследовать не отдельные события, имевшие локальный характер, а эпохальные процессы и события, «тектонические сдвиги» в истории человечества, мы никуда не денемся от причин произошедшего, тенденций развития общества. А это уже философия истории, социальная философия. Историк в любом случае вынужден будет руководствоваться определенной методологией и идеей, а не исследовать только уникальные факты. Можно по-разному оценивать события 1917 г., Великую Отечественную войну, но сам факт их влияния на судьбы человечества общеизвестен. В этой связи можно согласиться с К.В. Хвостовой, которая отмечает, что многие индивидуальные факты, «которые рассматриваются в качестве атомарных, в рамках конкретного историописания, являются теоретически нагруженными. Кроме того, современный историк... лишь в незначительной мере имеет дело непосредственно с атомарными фактами. В основном он изучает сложные взаимосвязи этих фактов, образующие ситуации, явления, отношения, социальные структуры, пространственно-временные тенденции, традиции, т.е. все те исторические феномены, которые в своей сложной взаимозависимости не только определяют социальное поведение людей, но и формируют эпохи, культуры, цивилизации. Макротеоретический подход, являясь сегодня актуальным, отражающим современные идеи глобализма, во многом формирует принципы историописания» [3, с. 33]. Плюрализм взглядов и оценок историков, по мысли автора, обусловлен их предпочтениями, интерпретационно-ценностными исследовательскими установками [3, с. 35].

Истина в историческом исследовании не появляется в одночасье так, как известная греческая богиня из морской пены. Более того, безошибочная, абсолютно верная интерпретация прошлого в данных конкретных общественных условиях невозможна. Пока существуют различные социальные группы с их несовпадающими интересами, ценностными ориентациями, будут и различия в интерпретации исторического прошлого.

Интерпретация исторического прошлого связана, как уже отмечалось, с философией истории. Последняя, в свою очередь, неизбежно зависит от мировоззрения, которое включает ценностные ориентации исследователя, его убеждения, идеологические и политические предпочтения. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов уже сложившихся исторических событий. В этой связи нельзя не отметить огромную роль идеологии в интерпретации истории. При этом речь в идеологических спекуляциях идет не столько о прошлом, сколько о настоящем и будущем. История становится мощным политическим оружием.

Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость учета запросов и опыта современности при конструировании образа прошлого [2, с. 479, 491]. С этим нельзя не согласиться. Но в еще большей мере следует учитывать ту ситуацию, в которой принимались судьбоносные решения, быстродействовали те или иные общественно-политические процессы. Нельзя историю осовременивать, оценивать только с позиций сегодняшнего дня. В противном случае неизбежно скатывание на позиции абстрактного морализирования. Всегда правомерно поставить вопрос: а могло ли быть в той исторической системе координат иначе?

История не является перечнем антикварных фактов. С другой стороны, следует учитывать, что она не может быть и служанкой идеологии и текущей политики. Историю можно и нужно объяснять (Гегель, Маркс и др.), понимать (герменевтика), но ее нельзя насилловать и ей нельзя мстить. Разрушение памятников, вымарывание исторической памяти – это стрельба в прошлое, но не будем забывать предупреждения классиков: как бы будущее не выстрелило в настоящее из орудия большего калибра.

1. Гуревич, А. Я. Двойная ответственность историка / А. Я. Гуревич // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 3. – С. 74–84.
2. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Круг, 2011. – 506 с.
3. Хвостова, К. В. Особенности истины и объективности в историческом знании / К. В. Хвостова // *Вопросы философии*. – 2012. – № 7. – С. 27–37.

Синдеев А.А.
ФЕНОМЕН «ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»
КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ

Окружающий нас мир в значительной степени познается с помощью текстов. Данный тезис можно дополнить указанием на то, что он и выстраивается на основе текстов; это, впрочем, не означает, исключительную власть произнесенного и написанного. Однако не учитывать текстовую (пере)насыщенность теперешнего познания едва ли получится. В этой связи актуальна проблема качества производимых текстов, что делает источниковедческий инструментарий неотъемлемой частью интеллектуального багажа современного человека, позволяющего ему распознавать не только первичную, но и глубинную суть передаваемой информации, вводить ее в индивидуальный и коллективный контекст, а также успешно анализировать. Следовательно, не количество текстов, а их качественный отбор и правильно организованная работа с ними определяют среди прочего конкурентоспособность.

С учетом незначительной доступности многих архивных документов новейшая история является, как известно, довольно сложным периодом для серьезного научного изучения. Чем ближе к современности, тем менее разнообразно «источниковое меню» исследователя. В то же время благодаря Интернету многие официальные источники могут быть введены в научный оборот сразу же после их подписания и (или) одобрения. С одной стороны, это обстоятельство обуславливает популярность тем по новейшей истории, что видно по количеству ежегодно защищаемых кандидатских диссертаций; с другой – в работе над проблемами новейшей истории, как правило, забываются три важных, на мой взгляд, условия повышения научной значимости выдаваемого на-гора материала. К этим условиям относятся: 1) полное системное изучение одного подвида источников выбранного хронологического периода; 2) фиксация границ предмета; 3) учет фактора феноменализации.

В желании продемонстрировать источниковое разнообразие, что, как отмечалось выше, применительно к последним этапам новейшей истории практически невозможно, многие молодые исследователи считают целесообразным привести как можно больше видовых позиций в списке использованных источников, размывая информативное поле, переходя тем самым на уровень хрониста и совершая непоправимую методологическую ошибку, поскольку сделанные выводы являются лишь частично верными. Тогда как автономное использование либо официальных доктрин, либо речей, либо интервью, либо иных популярных «интернетовских источников» позволило бы правильно расставить акценты, выстроить необходимое поле исследования того или иного субъекта и (или) институции, предельно детализировать научный предмет, углубить познавательную наполненность получаемых выводов.

«Интернетовские источники», в первую очередь в силу их содержания, предоставляют возможность ориентировать работы по новейшей истории, начиная с периода 2000-х гг., только на небольшой набор феноменов, определенных исторических явлений, и связанных с ними процессов. Любой феномен историчен в своем проявлении, поскольку содержит набор фактов, имеет сформированные институциональные структуры, устоявшиеся или изменившиеся процессы, механизмы их